

И. Р. Хамзин**Развитие торговых отношений России и Китая через Оренбургский таможенный округ в конце 40-х — начале 50-х годов XIX века**

В 1851 г. Россия и Китай подписали Кульджинский договор, открывший рынок Западного Китая для российской торговли. Однако к моменту заключения данного соглашения в центральноазиатском регионе уже сложились необходимые экономические предпосылки для развития межгосударственной торговли. Так, во второй половине 40-х гг. XIX в. российско-китайская торговля осуществлялась через территорию Оренбургского таможенного округа при посредничестве мусульманских купцов. В статье поставлена задача рассмотреть отдельные элементы российско-китайской торговли в центральноазиатском регионе в период до заключения Кульджинского договора 1851 г. и в первые годы после. Основу исторического анализа составили материалы Государственного архива Оренбургской области, ранее не привлекаемые к историческим исследованиям. Внимание уделяется фактам контрабандной торговли, статистике товарооборота, структуре купечества. Автор показывает исторические факты, свидетельствующие об эволюционном характере развития российско-китайских торговых отношений в Центральной Азии, что определило заключение Кульджинского договора 1851 г.

Ключевые слова: Оренбургский таможенный округ, история российско-китайской торговли, Россия и Китай в Центральной Азии.

Регион Западного Китая, известный под своим историко-географическим наименованием Восточный Туркестан, или наместничество Синьцзян, в 40-х — начале 50-х гг. XIX в. становится главным объектом внешней политики России на территории империи Цин. Китай, проигравший Англии первую «опиумную» войну 1840—1842 гг., находился в ситуации острого социально-экономического кризиса и не мог активно сопротивляться расширению русской сферы влияния на своих отдаленных центральноазиатских территориях [21]. После секретной поездки дипломата Н. И. Любимова в Синьцзян под видом купца Хорошева, показавшего в своих отчетах большие выгоды от торговли с пограничными территориями Синьцзяна (городами Кульджа и Чугучак), русские власти взяли курс на экономическое открытие Западного Китая для России [3]. В 1851 г. Е. П. Ковалевский заключил с цинскими представителями Кульджинский договор, который положил начало официальной российско-китайской торговле в рассматриваемом регионе [22, с. 26—29].

Говоря о причинах заключения торгового договора в Кульдже в 1851 г., советский исследователь Б. П. Гуревич указывал на политический фактор расширения сферы влияния России на территории Семиречья и северной Киргизии, что потребовало «нормализации политических и экономических связей между двумя государствами в Центральной Азии» [10, с. 266]. В. С. Кузнецов подчеркивал наличие внутреннего экономического кризиса в Синьцзяне в 40-е гг. XIX в., который подтолкнул китайское правительство к открытию данной части империи для внешней торговли [17, с. 157]. При этом большинство исследователей сходятся во мнении, что рынок Синьцзяна был интересен для правительства России в качестве альтернативы российско-китайскому рынку в Кяхте¹, испытывавшему в данное время кризис торговли [23, с. 266]. Однако помимо политических и макроэкономических причин открытие Синьцзяна было обусловлено в том числе и естественным ходом развития торговых отношений между Россией и Китаем в Центральной Азии в

¹ Слобода Кяхта, расположенная на границе русской Восточной Сибири и цинской Монголии, на протяжении XVIII — первой половины XIX в. являлась главным местом осуществления российско-китайской торговли.

предшествующий период. Большую роль в этом процессе сыграли таможи Оренбургского таможенного округа, куда уже в 40-е гг. XIX в. стали прибывать караваны верблюдов из пограничных городов Западного Китая.

Таким образом, цель настоящей статьи — рассмотреть развитие российско-китайской торговли через таможенные линии Оренбургского таможенного округа в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в. и выявить основные факторы, свидетельствующие о формировании прочных торгово-экономических связей между Россией и Китаем в центральноазиатском регионе в названный период времени.

Историография и источники. Необходимо заметить, что проблема развития российско-китайской торговли в Центральной Азии всегда привлекала внимание отечественных исследователей. Так, дореволюционный историк А. Корсак в своей работе дал подробную характеристику торговым связям России с Западным Китаем через Оренбургскую и Троицкую таможенные линии во второй четверти XIX в. [15, с. 414]. Корсак достаточно подробно рассмотрел логику и содержание данного процесса, тогда как другие дореволюционные авторы, писавшие в более поздний период времени, не акцентировали внимание на российско-китайской торговле в Центральной Азии в первой половине XIX в. [2; 26].

В советский период к вопросу исторических условий заключения Кульджинского договора 1851 г. обращались Н. Антонов, У. Мамутахунов, М. И. Сладковский [1; 19; 23]. Однако в работах перечисленных историков характеристика торговли с Китаем русских азиатских таможен, за исключением кяхтинской, была дана лишь в общих чертах. После распада СССР интерес к центральноазиатской торговле России и Китая проявили ученые из Казахстана [4; 13]. Можно отметить и публикации российских ученых [16; 20]. Исследователи отмечали наличие торговых связей и заинтересованность в их развитии со стороны дипломатических и торговых кругов России. Однако торгово-экономическая ситуация отношений России и Китая в Центральной Азии до заключения договора 1851 г. не была рассмотрена должным образом, что объясняется во многом недостатком источников по данной проблеме. В то же время можно отметить интерес современных ученых к истории развития внешней торговли Оренбургской и Троицкой таможенных линий. Исследователь Н. А. Корева обращалась к роли казанского купечества в процессе торговли Российской империи с центральноазиатским регионом [14], Э. М. Гибадуллина и Е. А. Солонченко рассматривали организацию таможенной службы по Оренбургской границе [5; 24; 25], процесс внешней торговли Южного Урала и Западной Сибири с центральноазиатскими территориями Китая изучал В. Н. Шкунов [29].

Другой важный вопрос истории торговых отношений России и Китая — контрабандная торговля — в историографии рассмотрен также весьма односторонне. Исследователи делают большой акцент на вопрос незаконной чайной торговли в Забайкалье (XVIII — начало XX в.) [12; 18], организации кяхтинской таможенной службы [28] и др., но практически не уделяют внимания развитию контрабанды по другим участкам русско-китайской границы и таможенным территориям России.

В целом в современных работах история внешней торговли через Оренбургский таможенный округ в большей степени рассматривается в контексте развития торговли России со среднеазиатскими странами и народами (казахскими жузами, Бухарой, Хивой) [11], тогда как российско-китайские связи в названном регионе, особенно в период, предшествующий заключению Кульджинского договора 1851 г. и в первые годы после его подписания, изучены весьма слабо.

Привлечение к исследованию материалов не только центральных, но и областных архивов России поможет восполнить указанный пробел. В этой связи документы Го-

сударственного архива Оренбургской области (далее — ГАОО) дают ценные и весьма любопытные для исследователя сведения, отражающие торговые отношения России и Китая в Центральной Азии на рубеже 40-х — 50-х гг. XIX в. Несмотря на то что названные материалы не столь многочисленны, они позволяют осветить многие детали развития российско-китайской торговли через Оренбургский таможенный округ в указанный период. Другим важным источником по названной проблематике послужил доклад Н. И. Любимова, составленный по итогам его секретной поездки в Синьцзян [3]. Документ содержит весьма обширную характеристику торгово-экономических связей России и Китая в Центральной Азии в период, предшествующий заключению Кульджинского договора 1851 г. Кроме того, в исследовании активно привлекаются статистические данные из труда А. Корсака 1857 г. [15].

Методология исследования основывается на принципах системно-исторического и сравнительно-исторического подходов, что позволяет изучать российско-китайскую торговлю через Оренбургский таможенный округ в контексте общего процесса торговых отношений России и Китая в 40—50-х гг. XIX века и проводить параллели между схожими процессами российско-китайской торговли в Синьцзяне, Кяхте и других направлениях транзита.

Исторический анализ. В первой половине XIX в. Оренбургский таможенный округ объединил под единым управлением Оренбургскую, Троицкую, Петропавловскую, Семипалатинскую и Бухтарминскую таможенные линии [24]. В это же время складывались торговые отношения между южноуральскими и западносибирскими регионами России и Западным Китаем.

В начале XIX в. относительно короткий период российская торговля с Западным Китаем велась через Бухтарминскую крепость, расположенную на реке Иртыш южнее Семипалатинска [15, с. 416]. Попытка царского правительства открыть рынок Синьцзяна для русских купцов в 1805 г. с русским торговым центром в Бухтарминской крепости не увенчалась успехом. Вскоре значимость данного укрепления в торговых отношениях исчезла из-за переноса Сибирской линии в 1840-х гг. на юг, на территорию Семиречья. Однако, несмотря на запрет допуска в Синьцзян русских купцов, торговля между Россией и Китаем осуществлялась через посредничество торговцев-мусульман. В 1830—1840-х гг. основной процесс торговли России с Западным Китаем протекал через Семипалатинскую таможню.

С 1825 г. отмечается увеличение вывоза из России в Синьцзян мануфактурных товаров и изделий из металлов. Главной статьей вывоза с территории Западного Китая являлся чай [15, с. 112]. К 1845 г. русский вывоз в города Западного Китая достиг суммы 230 535 серебряных рублей, ввоз китайского товара составлял 485 153 сер. руб. Доход Семипалатинской таможни варьировал в пределах 56 тыс. руб. сер. по всем статьям товарооборота [3, с. 23].

Как сообщал А. Корсак, торговля с Синьцзяном через Троицкую и Оренбургскую таможенные линии стала развиваться с середины 1840-х гг. благодаря «троицким татарам», которые нашли короткий путь от г. Чугучак к южноуральским границам России [15, с. 426]. Троицк имел ряд преимуществ перед Семипалатинском: относительную близость к центральной России в сравнении с городами Западной Сибири, более прямой путь до границ Западного Китая. Так, в 1845 г. уфимский купец Абулвали Абубакиров обратился с просьбой пропустить его торговый караван через Троицкую таможенную линию. Караван состоял из 4 верблюдов, груженных китайским чаем, купленным в Чугучаке [8, л. 4—7 об.].

Чугучак — один из крупнейших городов Синьцзяна — располагался в северо-западной части наместничества и являлся крупным торговым центром. Близость к русским границам делала его весьма перспективным с точки зрения развития здесь торговых отношений России и Китая. Как сообщал Н. И. Любимов, местные китайские власти достаточно лояльно относились к русским купцам, появляющимся в Чугучаке в 1840-х гг. по торговым делам: «...Немногие русские, которые ездят теперь в Чугучак... являются туда под видом азиатцев, переодетые в азиатские платья <...> В Чугучак, например, я явился хотя тоже в азиатском платье, но под русским именем и объявил прямо в китайской таможене, что я русский. Китайский чиновник при этом только с улыбкою заметил, что русским не позволено приезжать в Чугучак, и затем беспрепятственно допустил к торговле». Но в то же время «доступность эта должна покупаться немалыми пожертвованиями и сопряжена с разными унижениями» [3, с. 25], поэтому основная часть российско-китайской торговли продолжала оставаться в руках среднеазиатских купцов, выступающих в качестве посредников, и мусульман из России (казанских и уфимских купцов).

Если обратиться к содержанию торгового процесса, то уже к 1830 г. чай составлял основу российско-китайской торговли в Кяхте, занимая более 90% от общего объема товарооборота [27]. Аналогичная ситуация наблюдалась и на центральноазиатских рубежах России и Китая. В сентябре 1847 г. Троицкая таможня сообщала о прибытии из г. Чугучак в Троицкий меновой двор каравана купца Гамязгара Иманкулова [6, л. 181], состоящего из 15 верблюдов с грузом в 30 мест¹ чая. 8 декабря 1847 г. в Троицк прибыл караван купца Абулвали Абубакирова на 25 верблюдах с грузом 44 мест чая [6, л. 209—210]. В декабре 1847 г. Троицкая таможня также докладывала начальнику Оренбургского таможенного округа о том, что караван «одного татарского купца», вышедшего из Чугучака в сторону Троицка, был задержан в степи неблагоприятными погодными условиями [6, л. 212]. 18 декабря из Чугучака в Троицк прибыл караван с чаем на 31 верблюде [6, л. 216 об.]. Таким образом, даже несмотря на отрывочность сведений, можно говорить о существовании регулярной караванной торговли между Троицкой таможенной линией и пограничными городами Синьцзяна во второй половине 40-х гг. XIX в. Как видно, развитие этого процесса было обязано мусульманам, находящимся в подданстве России.

Общая статистика российско-китайской торговли через таможни Оренбургского таможенного округа содержится в данных А. Корсака. Согласно подсчетам дореволюционного исследователя, в 1847 г. общий товарооборот составил 423 438 тыс. сер. руб., из которых 174 272 тыс. приходились на русский вывоз и 249 171 тыс. руб. составил ввоз товара из Китая. В последующие годы соотношение ввоза и вывоза сохраняло схожие пропорции. Преобладание ввоза товара обеспечивалось за счет того, что торговля в Синьцзяне осуществлялась частично за наличные деньги [15, с. 434].

В 40-е гг. XIX в. одной из главных проблем российско-китайской торговли стала контрабанда чая через границы Российской империи. Нелегальная торговля затронула как западные русские границы, куда чай тайно провозился транзитом через Европу, так и азиатские, где китайский товар продавался в обход существующих здесь таможен [26, с. 578—589]. Важно заметить, что факты контрабандной торговли чаем свидетельствовали о том, что российско-китайская торговля в конце 1840-х гг. нуждалась в пересмотре существующих торговых правил и расширении торгово-экономического взаимодействия в целом.

¹ *Место чая* — принятое в дореволюционный период обозначение деревянного ящика (контейнера), в который укладывались ящики с чаем меньшей вместительности. Одно место чая могло вмещать от 2 до 48 ящиков с чаем. Вес места чая варьировал от 1 до 24 фунтов.

По данным Н. И. Любимова, «байхового чая по семипалатинской таможне за 1845 год показано было в привозе и действительно в оную предъявлено 1637 пудов (что, по свидетельствам той же таможни, составляет 1002 ящика); между тем как один только китайский купец в Чугучаке, по собственным словам его, променивает ежегодно нашим купцам до 1000 ящиков чая. Количество всего вымениваемого нашими торговцами в Чугучаке и Кульдже чая можно по самой малой мере полагать в 6 тысяч ящиков. Из этого можно видеть, сколь велика по нашей Сибирской линии контрабанда чаем» [3, с. 31]. Немногим лучше была ситуация и на западных участках Оренбургского таможенного округа. Среди материалов ГАОО сохранилось дело о произошедшем в 1849 г. инциденте в районе Троицкой таможенной линии, который был связан с незаконной транспортировкой чая [7]. Анализ отдельного случая контрабанды поможет выявить характерные особенности процесса торговых отношений.

Источники сообщают, что 14 октября 1849 г. казаками Бобровского отряда недалеко от Троицкой таможенной линии был задержан отряд киргизов, переправлявший контрабандный чай [7, л. 39]. В ходе задержания завязалась драка, в результате которой контрабандисты обратились в бегство, бросив свой товар. Всего было обнаружено 12 цибиков¹ чая. Преследование контрабандистов привело казаков в ставку киргизского старшины Карымсакова, где недалеко от деревянной ограды был обнаружен зарытый в землю чай в размере 48 цибиков черного чая и одного места кирпичного чая. Уфимский купец 2-й гильдии А. Абубакиров сообщил, что найденный в киргизской ставке чай принадлежит ему [7, л. 39 об.]. Началось расследование произошедшего события.

Как следует из материала дела, двое братьев Абулвали и Абуллатиф Абубакировы вели торговые дела в Чугучаке в 40-е гг. XIX в. При этом Абуллатиф Абубакиров осуществлял торговые операции в Синьцзяне, в то время как купец Абулвали вел торговлю в России. В начале октября 1849 г. из Чугучака был отправлен торговый караван в Троицк. По сведениям Абулвали Абубакирова, его брат, находящийся в Чугучаке, доверил начальнику каравана обменивать небольшое количество черного чая по дороге в степи на скот. Предполагалось, что начальник каравана Бикмурзин должен был обменять 14 цибиков чая на 84 головы скота. Интересны сведения о маршруте следования каравана. Дорога от Чугучака шла через Киргизскую степь вдоль русских укреплений, а затем вдоль граничной черты России до Троицка [7, л. 45 об.].

В ходе движения каравана по причине усталости верблюдов Бикмурзин, боясь за здоровье животных, решил закопать товар в киргизской зимовке в 15—20 верстах от Троицка. Купец Абулвали Абубакиров 15 октября 1849 г. сообщил в таможенню о случае с его караваном и попросил помощи, чтобы забрать закопанный в степи чай. Однако посланный за товаром объездчик встретил у места, где был спрятан чай, караул казаков, приставленный начальником таможенного округа [7, л. 38 об.].

Решение по данному происшествию было вынесено на основе правил об усилении взысканий за провоз контрабандных товаров по Сибирской и Оренбургской линиям от 1847 г.² [7, л. 59 об.]. Тайно провозимый киргизами чай был конфискован и отправлен на аукцион. Таможенное начальство решило, что закопанный в киргизской ставке чай также предназначался к тайному провозу. Однако за малым количеством доказательств причастности к контрабанде штраф в размере полной таможенной пошлины, предусмотренный правилами, с купца А. Абубакирова не был взят. Особую проблему составил вопрос о конфискации чая, найденного в киргизской ставке. Поскольку чай был найден

¹ Цибик — монгольское наименование ящиков чая, широко используемое в дореволюционной России (ок. 2 пудов весом).

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 (1825—1881). Т. 22, ч. 1. № 21769.

за граничной линией, то на него не могли распространяться правила на конфискацию. Поэтому было принято решение вернуть чай купцу [7, л. 64—68 об.].

Впрочем, на этом дело о контрабандном чае не закончилось. Действительный статский советник Г. Вениери, пересмотрев обстоятельства дела, решил, что чай, найденный в ставке Карымсакова, необходимо конфисковать и отправить на торги. Купец А. Абубакиров, по мнению Г. Вениери, был в сделке со старшиной Карымсаковым, а провозимый киргизами чай, который задержали казаки Бобровского отряда, также принадлежал уфимскому купцу [7, л. 69—79 об.].

Вопрос о том, подлежит ли конфискации чай, найденный за чертой Оренбургской линии, был отправлен на рассмотрение министру финансов. Глава ведомства посчитал, что данный случай выходит «из общего круга таможенных действий» [7, л. 82].

Рассмотренный выше инцидент раскрывает несовершенство таможенных правил в отношении незаконной торговли чаем. Меры борьбы с контрабандой подразумевали конфискацию товара и уплату его хозяином штрафа в размере таможенной пошлины, но это не стало препятствием для прекращения незаконных операций. С другой стороны, как справедливо отмечал Н. Антонов, наличие активной контрабанды чаем свидетельствовало о том, что реальный товарооборот российско-китайской торговли в Центральной Азии намного превышал официально фиксируемый [1, с. 154].

Как видно из приведенного источника, в 40-е гг. XIX в. активно использовались сухопутные маршруты от границ Сынцзяна до русских таможенных линий. Купцы из России имели опыт торговли в Кульдже и Чугучаке. Однако поскольку русским торговцам было запрещено приезжать на территорию Западного Китая, торговые дела вели мусульмане.

В начале 50-х гг. XIX в. правительство предприняло меры для стимулирования торговли через Оренбургскую и Западно-Сибирскую таможенные линии. В марте 1851 г. купцам, торговавшим в Семипалатинске, Барнауле и Петропавловске, предоставили право отсрочки выплаты пошлины сроком до 8 месяцев [8]. В июле этого же года купец Абулвали Абубакиров обратился к властям с просьбой распространить вышеуказанное правило на купечество г. Троицка [8, л. 1 об.]. Просьба была рассмотрена и выполнена, что говорит о внимании представителей российской власти к состоянию торговли на границах с Центральной Азией.

После оформления Кульджинского договора 1851 г. торговые отношения России и Сынцзяна начинают активно развиваться (табл. 1).

Таблица 1

Товарооборот российско-китайской торговли в Центральной Азии, сер. руб.

Год	Вывоз	Ввоз	Общая сумма
1845	238 262	241 268	479 530
1846	209 362	304 919	514 281
1847	174 262	249 171	423 433
1848	118 602	134 482	253 084
1849	204 207	317 709	521 916
1850	211 516	530 538	742 054
1851	228 716	605 798	834 514
1853	675 690	688 589	1 364 279
1854	652 127	1 601 428	2 253 555

Источник: [15, с. 434].

По данным, приводимым А. Корсаком, размер российско-китайской торговли в 1850 г. составлял 742 054 тыс. сер. руб. Уже после заключения русско-китайского дого-

вора в Кульдже в 1853 г. товарооборот вырос до 1 364 279, а в 1854 г. — до 2 253 555 сер. руб. [15, с. 434].

Русский экспорт в Синьцзяне характеризовался преобладанием тех товаров, вывоз которых из Кяхты сокращался (кожи, хлопчатобумажные изделия, сукна, изделия из металла) [23, с. 273]. За период начала 1850-х гг. русская торговля в Синьцзяне достаточно стабильно развивалась, несмотря на то, что наблюдаются перепады в объемах вывоза некоторых товаров: например юфти в 1853 г. отпущено в количестве 14 280 шт., а в 1854 г. — 9746 шт. Стабильно возрастал отпуск хлопчатобумажной ткани: со 117,6 тыс. руб. в 1850 г. до 240,1 тыс. руб. в 1854 г. Также увеличивался отпуск сукна и шерсти. Особенно возрос сбыт пушнины: с 2,0 тыс. руб. до 68,5 тыс. руб. [15, с. 436].

Среди китайских товаров, ввозимых в Россию в 1850-х гг., главное место принадлежит чаю, поступавшему в Кульджу и Чугучак из районов внутреннего Китая. На долю чая приходилось в 1850 г. 94,6%, а в 1854 г. — 91,8% общей стоимости русского вывоза [23, с. 272]. Среди других товаров в данный период времени спросом пользовались хлопчатобумажные изделия, шелковые и шерстяные ткани (табл. 2).

Таблица 2

Ввоз товаров из Китая по Семипалатинской таможенной линии, тыс. руб.

Товар	1850 г.	1851 г.	1853 г.	1854 г.
Чай	502,1	579,8	671,1	1569,3
Хлопчатобумажные ткани	6,6	5,9	4,5	15,5
Шелковые ткани	14,3	11,6	4,1	2,8
Шерсть	0,6	1,5	1,2	1,3
Пушнина	—	0,4	1,1	3,8
Прочее	7,0	6,7	6,6	8,7
Всего	530,6	605,9	688,6	1601,4

Источник: [23, с. 272].

Общая сумма импорта за годы, указанные в таблице 2, показывает относительную стабильность в период 1850—1853 гг. и увеличение объема ввоза более чем вдвое в 1854 г. Однако произошло это в большей степени по причине кратного увеличения ввоза чая, в то время как ввоз других товаров увеличился незначительно.

Стоит отметить, что опубликованные статистические данные в большинстве случаев отражают развитие торговли только по Семипалатинской таможенной линии. Привлеченные в настоящей статье источники помогают восполнить этот пробел.

Привоз чая по Троицкой таможенной линии в документах, содержащихся в ГАОО, приведен с июля по ноябрь 1852 г. Так, 10 июля 1852 г. в Троицк прибыл караван из 105 верблюдов с общим количеством чая 204 места, 2 полуместа и 2 ящика. В этом же году 14 августа в Троицк прибыло 9 верблюдов купца Г. Шарипова (190 мест чая), 38 верблюдов купца Сулейманова (72 места), 60 верблюдов купца Ф. Музафарова (98 мест). 21 августа в Троицк пришли караваны из 36 верблюдов купца А. Абубакирова (84 места) и 22 верблюдов купца Г. Иманкулова (44 места). Отмечен приход в Троицк 10 ноября 1852 г. 23 верблюдов купца Г. Иманкулова [9].

Несмотря на неполноту сведений, можно утверждать, что привоз чая в Троицк был регулярным, с преобладанием байховых сортов. Большую информацию приведенные данные дают о составе купечества, торговавшего в Синьцзяне. Статистика показывает, что в первые годы после заключения Кульджинского договора 1851 г. количество мусульманских купцов преобладало над этнически русскими купцами. Примером налаженных коммерческих отношений являются торговые дела братьев Абулвали и Абуллатифа

Абубакировых, которые активно торговали в Чугучаке за годы до указанного соглашения и продолжили торговлю после. Данное обстоятельство говорит о том, что отдельные элементы торговых отношений, такие как этнический состав купечества и сухопутные маршруты, продолжили существовать в последующий за указанным договором период. Подобная преемственность свидетельствует об эволюционном характере рассматриваемого процесса.

Выводы. Анализ материала по торговле с Китаем через Оренбургский таможенный округ позволяет утверждать, что к концу 40-х гг. XIX в. между пограничными городами России и Синьцзяна был налажен механизм торговых операций.

Во-первых, были сформированы и активно функционировали торговые маршруты. Караваны шли по общеизвестным направлениям, и в некоторых случаях отклонения от уже ставших традиционных маршрутов могли вызвать подозрения у таможенного начальства [7, л. 4].

Во-вторых, к моменту заключения Кульджинского договора 1851 г. в России сформировался слой купечества, который имел богатый опыт торговли в Синьцзяне. По объективным обстоятельствам данные купцы были мусульманами, и во многом благодаря их усилиям получила развитие российско-китайская торговля в Центральной Азии. Кроме того, в первые годы после оформления соглашения 1851 г. мусульмане составили основную часть купцов, торговавших с Синьцзяном [9].

В-третьих, город Чугучак в 40-е гг. XIX в. можно рассматривать как торгового партнера приграничных городов России и в первую очередь г. Троицка. Данный факт определил открытие Чугучака для российской торговли согласно условиям Кульджинского договора 1851 г.

Наконец, существование контрабандной торговли говорит о наличии высокого спроса на китайский товар из Синьцзяна. Русский рынок требовал большего количества чая, соответственно купцы должны были увеличить закупки товара в Западном Китае. Однако необходимость уплаты пошлины сильно сказывалась на доходах купцов и замедляла ход торговых операций. В этом случае торговцы либо обращались за государственным покровительством, требуя предоставить возможность отсрочить выплату пошлин, либо прибегали к контрабанде.

Сказанное выше свидетельствует о существовании прочной экономической базы для развития торговых отношений России и Китая в Центральной Азии к моменту заключения Кульджинского договора 1851 г.

Несмотря на то что статистические данные свидетельствуют о кратном увеличении товарооборота после официального оформления торговых отношений, источники показывают, что торгово-экономический процесс носил эволюционный характер. Следовательно, заключение Кульджинского договора 1851 г. было предопределено ходом естественного развития торгово-экономических отношений России и Китая в Центральной Азии в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в.

Список использованных источников и литературы

1. Антонов Н. К истории заключения русско-китайского договора в Кульдже в 1851 г. // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М. : Мысль, 1982. С. 148—164.
2. Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай: его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1906. 418 с.
3. Веселовский Н. Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 году под видом купца Хорошева. СПб. : Тип. Министерства путей сообщения, 1909. 52 с.

4. Галиев В. В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX — начало XX в.). Алматы, 2003. 188 с.
5. Гибадуллина Э. М. Правовое регулирование оренбургской торговли в XVIII — первой половине XIX в. // Девятыне Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф., Оренбург, 1—2 марта 2018 г. Оренбург : ОГПУ, 2018. С. 154—156.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 5797.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6036.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6539.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6616.
10. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М. : Наука, 1983. 308 с.
11. Джумагалиева К. В. Роль российских таможен в реализации продуктов скотоводства из казахской степи в XIX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв. : сб. материалов Третьей междунар. науч.-практ. конф. Коломна, 24—26 сент. 2013 г. Коломна, 2015. С. 77—88.
12. Казанцева Н. Г., Карпович О. Г. Правоохранительная деятельность таможенных органов на восточных окраинах российского государства: историко-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4. С. 56—62.
13. Кожирова С. Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX — начало XX в.). Астана : Кн. изд-во, 2000. 138 с.
14. Кореева Н. А. Меновая торговля купцов Казанской губернии в Оренбургских степях в конце XVIII — первой половине XIX в. // Филология и культура. 2012. № 1. С. 186—191.
15. Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем. Казань : Издание Ивана Дубровина, 1857. 445 с.
16. Кравченко Е. А. Синьцзян как форпост российско-китайской торговли в XIX в. // Роль науки и образования в модернизации современного общества : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. (Магнитогорск, 13 июня 2019 г.). Уфа, 2019. С. 73—76.
17. Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в. М. : Ин-т Дальнего Востока РАН, 1973. 182 с.
18. Ляпустин С. Н. Роль и место казачества Дальнего Востока в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке России // Казачество. 2016. № 15. С. 63—73.
19. Мамутахунов У. Торговля России с Западным Китаем в XIX в. // Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета. Ташкент : Среднеазиатский гос. ун-т, 1949. С. 39—66.
20. Муратова С. В. Особенности развития торговли в пограничных крепостях на южной границе Западной Сибири в XVIII веке // Сибирский сборник. Курган : Курганский гос. ун-т, 2015. С. 71—87.
21. Непомнин О. Е. История Китая. Эпоха Цин. М. : Восточная литература, 2005. 712 с.
22. Русско-китайские отношения 1689—1917. Официальные документы. М. : Изд-во восточной литературы, 1958. 137 с.
23. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем. М. : ИДВ РАН, 1978. 363 с.
24. Солонченко Е. А. Организационная структура и кадровый состав пограничных учреждений Оренбургской губернии в первой половине XIX в. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2007. № 2 (48). С. 149—160.
25. Солонченко Е. А. Таможенное дело на юго-востоке России в 1752—1781 гг. (по материалам Оренбургской и Троицкой таможен) // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2009. № 2. С. 197—217.
26. Субботин А. П. Чай и чайная торговля в России и в других государствах. СПб. : Тип. Северного телеграфного агентства, 1892. 657 с.
27. Тагаров Ж. З. Монгольский транзит и русско-китайская кяхтинская торговля в конце XVII — начале XX в. // Россия и Монголия в первой половине XX в.: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука) : сб. науч. тр. Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. Кн. 5. С. 183—199.
28. Цыденова Л. Б. Кяхтинская торговля и таможенная политика России // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Кяхта, 14—15 сент. 2018 г.). Улан-Удэ, 2018. С. 93—101.
29. Шкунов В. Н. Синьцзян в системе русско-китайской торговли в XIX в. // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. № 3. С. 139—145.

Поступила в редакцию 27.01.2020

Хамзин Илдар Рашидович, младший научный сотрудник, аспирант
Уральский федеральный университет
Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51
E-mail: ildar.hamzin1991@mail.ru

UDC 94(47)“184/185”:339.5(47+57:510)

I. R. Khamzin

Development of Russia-China trade relations through the Orenburg customs district in the late 40-ies — early 50-ies of the 19th century

In 1851 Russia and China signed the Ghulja Treaty which opened up the western China market to Russian trade. However, by the time of the conclusion of this agreement, the necessary economic prerequisites for the development of interstate trade had already developed in Central Asia. So, in the second half of the 40s of the XIX century Russian-Chinese trade was carried out through the territory of the Orenburg Customs District through the mediation of Muslim merchants. The article sets the task to consider certain elements of Russian-Chinese trade in the Central Asian region in the period before the conclusion of the Ghulja Treaty of 1851 and in the first years after. The basis for the historical analysis was the original materials of the State Archive of Orenburg Region (GAOO). Attention is paid to the facts of smuggling, statistics on trade, the structure of the merchants. The author shows historical facts testifying to the evolutionary nature of development of Russia-China trade relations in Central Asia, which determined the conclusion of the Ghulja Treaty in 1851.

Key words: Orenburg Customs District, history of the Russian-Chinese trade relations, Russia and China in Central Asia.

Khamzin Ildar Rashidovich, Junior Researcher, Postgraduate student
Ural Federal University
Russian Federation, 620000, Yekaterinburg, pr-t Lenina, 51
E-mail: ildar.hamzin1991@mail.ru

References

1. Antonov N. K istorii zaklyucheniya russko-kitaiskogo dogovora v Kul'dzhe v 1851 g. [On the history of the conclusion of the Russia-Chinese treaty in Ghulja in 1851]. *Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitaiskikh otnoshenii* [Documents refute. Against the falsification of the history of Russian-Chinese relations]. Moscow, Mysl' Publ., 1982, pp. 148—164. (In Russian)
2. Bogoyavlenskii N. V. *Zapadnyi Zastennyi Kitai: ego proshloe, nastoyashchee sostoyanie i polozhenie v nem russkikh poddannyykh* [Western China: its past, present condition and position in it of Russian citizens]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina Publ., 1906. 418 p. (In Russian)
3. Veselovskii N. *Poezdka N. I. Lyubimova v Chuguchak i Kul'dzhu v 1845 godu pod vidom kuptsa Khorosheva* [The trip of N. I. Lyubimov to Chuguchak and Ghulja in 1845 under the guise of a merchant Khoroshev]. St. Petersburg, Tip. Ministerstva putei soobshcheniya Publ., 1909. 52 p. (In Russian)
4. Galiev V. V. *Kazakhstan v sisteme rossiisko-kitaiskikh torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii v Sin' tsiyane (konets XIX — nachalo XX v.)* [Kazakhstan in the system of Russian-Chinese trade and economic relations in Xinjiang (late XIX — early XX centuries)]. Almaty, 2003. 188 p. (In Russian)
5. Gibadullina E. M. *Pravovoe regulirovanie orenburgskoi trgovli v XVIII — pervoi polovine XIX v.* [Legal regulation of Orenburg trade in the 18th — first half of the 19th century]. *Devyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii kraj kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sbornik statei mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Orenburg, 1—2 marta 2018 g.* [Ninth Bolshakov readings. Orenburg Territory as a Historical and Cultural Phenomenon. Proceed. of the Internat. scientific-practical conf., Orenburg, March 1—2, 2018]. Orenburg, OGPU Publ., 2018, pp. 154—156. (In Russian)
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg Region] (GAOO). F. 6. Op. 10. D. 5797.
7. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 6036.
8. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 6539.

9. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 6616.

10. Gurevich B. P. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noi Azii v XVII — pervoi polovine XIX v.* [International relations in Central Asia in the 17th — first half of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 308 p. (In Russian)

11. Dzhumagalieva K. V. Rol' rossiiskikh tamozhen v realizatsii produktov skotovodstva iz kazakhskoi stepi v XIX v. [The role of Russian customs in the sale of livestock products from the Kazakh steppe in the 19th century]. *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI—XIX vv.: sbornik materialov Tret'ei mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kolomna, 24—26 sent. 2013 g.* [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th — 19th centuries. Proceed. of the Third Internat. scientific-practical conf. Kolomna, Sept. 24—26, 2013]. Kolomna, 2015, pp. 77—88. (In Russian)

12. Kazantseva N. G., Karpovich O. G. Pravookhranitel'naya deyatelnost' tamozhennykh organov na vostochnykh okrainakh rossiiskogo gosudarstva: istoriko-pravovoi aspekt [Customs bodies law enforcement activity on East suburbs of the Russian state: historical and legal aspect]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii — Legal science and practice. Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2017, no. 4, pp. 56—62. (In Russian)

13. Kozhirova S. B. *Rossiisko-kitaiskaya torgovlya v Tsentral'noi Azii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Russian-Chinese trade in Central Asia (second half of the 19th — early 20th centuries)]. Astana, Kn. izd-vo Publ., 2000. 138 p. (In Russian)

14. Koreeva N. A. Menovaya torgovlya kuptsov Kazanskoi gubernii v Orenburgskikh stepyakh v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v. [Kazan province merchants engaged in barter trading in Orenburg region at the end of 18th — first half of the 19th century]. *Filologiya i kul'tura — Philology and Culture*, 2012, no. 1, pp. 186—191. (In Russian)

15. Korsak A. *Istoriko-statisticheskoe obozrenie torgovykh otnoshenii Rossii s Kitaem* [Historical and statistical review of trade relations between Russia and China]. Kazan, Ivan Dubrovin Publ., 1857. 445 p. (In Russian)

16. Kravchenko E. A. Sin'tszyan kak forpost rossiisko-kitaiskoi torgovli v XIX v. [Xinjiang as an outpost of Russian-Chinese trade in the 19th century]. *Rol' nauki i obrazovaniya v modernizatsii sovremennogo obshchestva: sbornik statei mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Magnitogorsk, 13 iyunya 2019 g.)* [The role of science and education in the modernization of modern society. Proceed. of the Internat. scientific-practical conf. (Magnitogorsk, June 13, 2019)]. Ufa, 2019, pp. 73—76. (In Russian)

17. Kuznetsov V. S. *Ekonomicheskaya politika tsinskogo pravitel'stva v Sin'tszyane v pervoi polovine XIX v.* [The economic policy of the Qing government in Xinjiang in the first half of the 19th century]. Moscow, In-t Dal'nego Vostoka RAN Publ., 1973. 182 p. (In Russian)

18. Lyapustin S. N. Rol' i mesto kazachestva Dal'nego Vostoka v bor'be s kontrabandoi na Dal'nem Vostoke Rossii [The role and place of the Cossacks of the Far East in the fight against smuggling in the Russian Far East]. *Kazachestvo*, 2016, no. 15, pp. 63—73. (In Russian)

19. Mamutakhunov U. Torgovlya Rossii s Zapadnym Kitaem v XIX v. [Russian trade with Western China in the 19th century]. *Sbornik studencheskikh rabot Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Collection of student works of the Central Asian State University]. Tashkent, Sredneaziatskii gos. un-t Publ., 1949, pp. 39—66. (In Russian)

20. Muratova S. V. Osobennosti razvitiya torgovli v pogranichnykh krepostyakh na yuzhnoi granitse Zapadnoi Sibiri v XVIII veke [Features of the development of trade in border fortresses on the southern border of Western Siberia in the 18th century]. *Sibirskii sbornik* [Siberian collection]. Kurgan, Kurganskii gos. un-t Publ., 2015, pp. 71—87. (In Russian)

21. Nepomnin O. E. *Istoriya Kitaya. Epokha Tsin* [History of China. The Qing Age]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2005. 712 p. (In Russian)

22. *Russko-kitaiskie otnosheniya 1689—1917. Ofitsial'nye dokumenty* [Russian-Chinese relations 1689—1917. Official documents]. Moscow, Izd-vo vostochnoi literatury Publ., 1958. 137 p. (In Russian)

23. Sladkovskii M. I. *Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii narodov Rossii s Kitaem* [The history of trade and economic relations between the peoples of Russia and China]. Moscow, IDV RAN Publ., 1978. 363 p. (In Russian)

24. Solonchenko E. A. Organizatsionnaya struktura i kadrovyy sostav pogranichnykh uchrezhdenii Orenburgskoi gubernii v pervoi polovine XIX v. [The organizational structure and staffing of border institutions of the Orenburg province in the first half of the 19th century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, 2007, no. 2 (48), pp. 149—160. (In Russian)

25. Solonchenko E. A. Tamozhennoe delo na yugo-vostoke Rossii v 1752—1781 gg. (po materialam Orenburgskoi i Troitskoi tamozhen) [Customs in the southeast of Russia in 1752—1781 (based on materials

from the Orenburg and Troitsk customs)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*, 2009, no. 2, pp. 197—217. (In Russian)

26. Subbotin A. P. *Chai i chainaya trgovlya v Rossii i v drugikh gosudarstvakh* [Tea and tea trade in Russia and in other states]. St. Petersburg, Tip. Severnogo telegrafnogo agentstva Publ., 1892. 657 p. (In Russian)

27. Tagarov Zh. Z. Mongol'skii tranzit i rusko-kitaiskaya kyakhtinskaya trgovlya v kontse XVII — nachale XX v. [Mongolian transit and Russian-Chinese Kyakhta trade in the late 17th — early 20th centuries]. *Rossiia i Mongoliya v pervoi polovine XX v.: kontseptual'nye voprosy rossiisko-mongol'skikh otnoshenii (diplomatiya, ekonomika, nauka): sbornik nauch. tr.* [Russia and Mongolia in the first half of the 20th century: conceptual issues of Russian-Mongolian relations (diplomacy, economics, science). Collect. of scientific works]. Ulan-Bator, Irkutsk, BGU Publ., 2015, book 5, pp. 183—199. (In Russian)

28. Tsydenova L. B. Kyakhtinskaya trgovlya i tamozhennaya politika Rossii [Kyakhtinsky trade and customs policy of Russia]. *Trudy Kyakhtinskogo kraevedcheskogo muzeya im. akademika V. A. Obrucheva: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kyakhta, 14—15 sent. 2018 g.)* [Proceedings of the Kyakhtinsky Museum of local lore named after academician V. A. Obruchev. Proceed. of the scientific-practical conf. (Kyakhta, Sept. 14—15, 2018)]. Ulan-Ude, 2018, pp. 93—101. (In Russian)

29. Shkunov V. N. Sin'tszyan v sisteme rusko-kitaiskoi trgovli v XIX v. [Xinjiang in the system of Russian-Chinese trade in the 19th century]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN — Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2017, no. 3, pp. 139—145. (In Russian)